

Глава 17. Шаг вперед — два шага назад

*Я знаю, ты все умеешь, я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
как верит каждое ухо тихим речам твоим,
как веруем и мы сами, не ведая, что творим!*
Булат Окуджава. «Молитва»

Победитель не получает ничего

*Ну что с того, что я там был,
В том грозном — быть или не быть.
Я это все давно забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне —
Война участвует во мне,
И пламя вечного огня
Дрожит на скулах у меня.*

Ю. Левитанский

Окончилась Великая Отечественная война, самая страшная война в истории России. Закончилась победой: Германия разгромлена, уничтожен ее фашистский строй и нацистская партия. Советские войска вошли в Берлин, Вену, Будапешт, Прагу, Варшаву, Бухарест. Советский Союз не только вернул все территории, которые ему полагались по пакту Молотова—Риббентропа, но и расширил территорию за счет Восточной Пруссии, Тувы, Курильских островов и юга Сахалина.

Благодаря этой победе, Советский Союз стал мировым лидером, «великой державой» в Организации Объединенных Наций. СССР подчинил страны Восточной Европы в политическом, экономическом, военном отношении. В них получили власть коммунистические правительства, скоро вытеснившие из политической жизни другие партии. Завершилась борьба за власть в Китае, где победили китайские коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, опиравшимся на поддержку Советского Союза. Сталин торжествовал победу. Ему удалось не только сохранить власть, но и существенно увеличить коммунистическую империю за счет стран Восточной Европы.

Но народам СССР, которые кровью и потом добыли победу, не досталось ничего. Великая Отечественная война, в отличие от любой другой в истории России, не повлекла крупных реформ во внутренней политике. Сталин хорошо помнил, чем закончились победа над Наполеоном и пребывание русских войск в Париже, как, вдохнув на Западе глоток свободы, русские офицеры стали декабристами. Во время войны сделали некоторые уступки. Разрешили открыть церкви. Пропаганда распускала слухи о ликвидации колхозов после войны. Однако всем надеждам положили конец сразу после войны. Более того, победа в войне стала доказательством незыблемости строя.

«Война показала, — говорил И. В. Сталин в речи перед избирателями 9 февраля 1946 г., — что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и

организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага».

Культ «великого вождя всех народов, всего прогрессивного человечества» И. В. Сталина достиг пределов и обогатился новыми красками — генералиссимус, победивший фашистскую Германию, сокрушивший японский милитаризм. Газеты заполнились победоносными сводками об успешном восстановлении разрушенной войной промышленности. Положение Сталина стало незыблемым. Он был председателем Совнаркома (Совета министров) и Генеральным секретарем партии. Теперь он уже не видел необходимости в созыве съездов партии, которые, по уставу ВКП(б), являлись высшим ее органом. С 1939 года съезды не проводились, очередной созвали только в октябре 1952 года. Пленумы ЦК созывались редко. Формальные заседания Политбюро тоже проводились редко, но его члены регулярно собирались на ночные застолья на Ближней даче.

После Сталинградской битвы советские средства массовой информации еще усерднее начали превозносить Сталина: «наш любимый отец», «наш дорогой вождь и учитель», «наш дорогой и горячо любимый Сталин», «величайший вождь всех времен и народов». Началось беспредельное восхваление и всяческое превознесение заслуг Сталина. Хотя в основном Сталин жил и работал на даче в Кунцево, свет в кремлевском окне горел всю ночь. Любой прохожий, прогуливавшийся по Красной площади, мог видеть и знать, «что он живет, думает и работает для нас», как о том постоянно твердило радио. Он при жизни стал мифом, божеством; старательно вдолбленное в головы людей почитание на два поколения вперед затмило им разум.

Через несколько месяцев после окончания войны из вооруженных сил демобилизовали 8 миллионов человек. 4,5 миллиона человек вернулись из германских лагерей. Из эвакуации за Урал возвращались на запад в родные места еще 8 миллионов человек. Еще больше людей не вернулось ни с фронта, ни из эвакуации. Ходившая во время войны присказка, что «война все спишет», не оправдалась. В ГУЛАГ были отправлены полтора миллиона, вернувшихся из немецкого плена, а еще 180 тысяч, используя невероятные ухищрения, сумело разбрестись по миру, поскольку в договоре с «союзниками» Сталин жестко настаивал на передаче в СССР бывших военнопленных, угнанных на работу в Германию, партизан и выживших шпионов. Разорение земли, разруха народного хозяйства стали еще одним итогом войны. Впервые в истории советского строя недовольство стало распространяться в среде молодежи — прежде всего, студенческой.

Потери союзников были несопоставимы. Англия и США вместе потеряли за войну около 600 000 солдат. Но связанный с войной взлет промышленности, действительно, «списал» все материальные убытки.

***

Восстановление колхозного хозяйства шло удручающе медленно, еще в пятидесятых годах миллионы колхозников жили в землянках. Самыми страшными стали людские потери. Крестьяне были солдатами-пехотинцами, наиболее массовым, наименее защищенным «пушечным мясом». Число трудоспособных колхозников уменьшилось с 18,2 млн. в 1941 г. до 11,4 млн. в 1945 г., главным

образом, из-за гибели на войне мужчин. Слухи о возможной ликвидации колхозов оказались абсолютно беспочвенными. Крестьянство, более всего пострадавшее от войны, продолжало нести тяготы обеспечения страны продуктами питания в условиях «победившего колхозно-совхозного строя».

Сразу после войны в стране разразился голод. Его масштабы едва ли не превышали голод начала 30-х гг., вызванный раскулачиванием и коллективизацией, и безусловно превосходили голод начала 20-х гг. В 1946-м, первом послевоенном году погибли от засухи большие площади зерновых культур, урожай собирали или с большим опозданием или вообще оставили на полях. К весне погибло 2,6 млн. га озимых. Остались необработанными или погибли от засухи огромные площади обрабатываемой земли. Но сталинская политика ликвидации кулачества как класса продолжалась. С 1948 по начало 1953 гг. было выселено еще 33 266 колхозников и 13 598 членов их семей. Пик выселений пришелся на 1948 г., когда направили в ссылку 27 335 человек. «Раскулачивание вдогонку» становилось репрессивной мерой, закреплявшей принудительный колхозный труд. *«В результате проведенных мероприятий в колхозах значительно повысилась трудовая дисциплина, увеличился выход на работу колхозников, не участвовавших ранее в общественном производстве».* Кризис колхозного строя, экономическая невозможность сохранения колхозов как формы государственного крепостничества породила первые робкие споры о путях развития сельского хозяйства.

В том же 1947 г. приняли новый закон «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в котором, в частности, устанавливалось: *«Кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации».*

Строй выдержал суровую проверку войной, и пропаганда не замедлила восславить его, чтобы продолжить после войны ту же политику под тем же руководством. Война «списала» все ошибки и потери на фашистскую агрессию, и широкие слои нищих победителей безропотно приняли новые потери от голода и разрухи, дальнейшую милитаризацию промышленности в условиях «холодной войны». Нимало не заботясь о народе, Сталин бросил все силы на развитие тяжелой промышленности, ориентированной на военные нужды. *«Партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который бы дал нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем»*, — заявил Сталин на встрече с избирателями в феврале 1946 г.

18 марта 1946 года принят план «Пятилетки восстановления народного хозяйства». К марту 1947 года восстановлен и дал энергию ДнепрогЭС. Восстановление городов, фабрик, заводов и железных дорог было за эту пятилетку почти закончено. Помогли репарации и военная добыча, а также семь миллионов пленных, бесплатно работавших в СССР четыре года. К 1950 году советская промышленность превзошла довоенный уровень и была готова к начинавшейся гонке вооружений. 1951 год объявлен годом новой пятилетки индустриализации. Цель та же — развивать тяжелую промышленность и машиностроение, другими словами, военно-промышленный комплекс.

Празднуя победу, Сталин не забыл растерянность начала войны. С удивлением он отметил терпеливость русского народа, перенесшего лишения войны, но не упрекнувшего правительство, наделавшее столько ошибок. В тосте на приеме в честь главнокомандующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. Сталин сказал: *«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг. ...Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»*

Этот тост не только подвел итог войны, но и стал основой новой национальной политики — заигрывания с русским народом в ущерб другим народам СССР. Некоторые «неблагонадежные» национальности еще раньше сосланы в пустынные казахстанские степи и в Сибирь, да там и остались. Например, немцы Поволжья, приехавшие в Россию по приглашению Екатерины II 180 лет назад, не имевшие никакого отношения к фашистской Германии, в начале войны выселены в Казахстан и Среднюю Азию в связи с провокацией, организованной ведомством Берия. В несколько немецких деревень в Поволжье забросили парашютные десанты комсомольцев, одетых в немецкую форму и говорящих по-немецки. В некоторых деревнях их выдали НКВД, но в каком-то случае спрятали. «Диверсантов» поймали и на всякий случай расстреляли, а всех советских немцев выслали по Указу Верховного совета СССР от 28 августа 1941 года. Эту провокацию разоблачили только через полвека.

Удивление терпеливостью русского народа и подозрение, что доверие этого народа все же не безгранично, переросло у Сталина в недоверие ко вчерашним победителям, и он решил на всякий случай заручиться народной поддержкой в борьбе с генералами и маршалами, отнимающими часть его славы победителя. Вместе с тем, появление ростков оппозиционности стало одним из признаков национального подъема, вызванного победой в войне.

Экспансия на Запад

Индустриализация и развитие военно-промышленного комплекса, включая атомное оружие, авиацию, ракетную артиллерию, являлись подготовкой к будущему военному столкновению с «капиталистическим миром», которое вождь считал неизбежным. Поначалу такую перспективу Сталин связывал с возможной угрозой со стороны Германии, когда последняя оправится от поражения и вновь встанет на ноги. Но уже 28 января 1945 г. он сделал особый упор на неизбежность конфликта с западными союзниками.

«Кризис капитализма, — записал Димитров слова Сталина, — проявился в разделении капиталистов на две фракции — одна фашистская, другая — демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господства Гитлера, так как это brutальное господство довело бы рабочий класс

до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов».

В апреле 1945 г. Сталин считал, что новая война может разразиться через 15—20 лет. В июне 1946 г. он сказал, что передышка до новой войны продлится примерно 10—15 лет. Прогнозируя неизбежность военного столкновения, умудренный опытом предыдущей войны, он стремится организовать блок, основанный на системе двусторонних связей СССР с каждой из «народных демократий».

Хотя Коминтерн официально распущен в июне 1943 года по договоренности с союзниками, фактически он продолжал действовать по крайней мере до поздней осени 1945 г. как секретный отдел ЦК ВКП(б); руководил им Александр Щербаков, а замещали его Георгий Димитров и Дмитрий Мануильский. Важной задачей отдела была пропагандистская и кадровая работа среди военнопленных. Коминтерн осуществлял связь с компартиями через систему секретных радиопередатчиков и нелегальных курьеров. Особой частью структуры являлись заграничные бюро ряда компартий, образованные в Москве. Таких бюро было десять, и они охватывали компартии европейских стран, находившихся в то время под фашистским господством.

В 1944—1945 гг., когда происходило освобождение Восточной Европы от гитлеровской оккупации и прогитлеровских режимов, отделом международной информации ЦК ВКП(б) разрабатывались директивы по завоеванию власти, взаимоотношению коммунистов с другими политическими силами. Политика компартий и многие их конкретные шаги определялись в Москве. Это касалось даже КП Югославии, которая в большей мере, чем другие, проявляла самостоятельность. И когда, например, в марте 1945 г. югославское коммунистическое руководство при формировании временного правительства страны позволило себе небольшие отступления от указаний Москвы, последняя строго одернула югославов, и те были вынуждены покаяться в «ошибках». Деятели компартий могли рассчитывать на власть в своих странах преимущественно за счет советской поддержки.

По мере того, как, начиная с осени 1944 г., устанавливались «народные демократии» и власть коммунистов в Восточной Европе, подчинение компартий регионов Советскому Союзу становилось основой формирования советского блока. По радиотелеграфной шифросвязи из Москвы систематически запрашивали информацию о деятельности, планах, положении в их странах, направляли им разного рода указания. Наряду с перепиской восточноевропейские коммунистические деятели периодически ездили в Москву для рассмотрения особо важных вопросов. Как правило, обсуждения проходили в отделе у Георгия Димитрова или его ближайших сотрудников.

Затем в процесс формирования блока включилась вся многоотраслевая система советских ведомств. Это были военные, дипломатические, экономические, идеологические структуры СССР, органы разведки, репрессивные службы (НКВД—МВД—МГБ). После того, как работавшие в этой структуре европейские коммунистические деятели, находившиеся в эмиграции в Советском Союзе, в том числе и восточноевропейские, включая самого Димитрова, вернулись в свои страны, отдел реорганизовали. Он стал работать с начала 1946 г. как отдел внешней

политики (ОВП) ЦК ВКП(б), и его возглавил М. А. Сулов. Советское руководство требовало от «народных демократий» и компартий подчинения СССР в проведении внешней политики как в отношениях с Западом, так и между самими странами Восточной Европы. Причем это касалось не только тех государств, где уже были установлены, по сути, коммунистические режимы, но и тех, где до определенного времени таких режимов еще не было, как в Венгрии до лета-осени 1947 г. или в Чехословакии до февраля 1948 г.

В отличие от Коминформа Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) занимался конкретными вопросами. В наказание за самостоятельность Москва вынудила остальных его членов разорвать экономические связи с Югославией и установила контроль над торгово-экономическими отношениями каждой из восточноевропейских стран с государствами вне «социалистического лагеря».

Итак, советский блок сформировался на завершающем этапе Второй Мировой войны и в первые послевоенные годы, и полностью управлялся из Москвы. С помощью расположенных в этих странах воинских контингентов он обеспечивал существование коммунистических режимов и советское господство в Восточной Европе.

Осуждение победителей... за нескромность

Сталин воспринимал почести, как должное, подчеркивая при личном общении свою скромность. Соответственно он требовал от других именно скромности в сочетании с профессионализмом. Лучше других он понимал и высоко ценил роль Жукова в Великой Отечественной войне, считая его самым выдающимся из советских военачальников. Но по своей привычке Сталин не терпел около себя сильные личности. Жуков резко выделялся на фоне безропотных, услужливых «сподвижников», хотя и не требовал никаких почестей, не подчеркивал своих заслуг в войне. На одном из заседаний Высшего военного совета в 1946 году Сталин выступил с осуждением *«одного из наших самых главных воинов за нескромность, неоправданно высокое самомнение и чванство»*. Когда война окончилась, он снял Жукова в марте 1946 года с должности заместителя Верховного Главнокомандующего и назначил на второстепенную должность — главой советской военной администрации в Германии. Жуков не протестовал, он знал, сколько выдающихся маршалов и генералов расстреляны за «нескромность».

Большинство других прославленных военачальников Сталин поставил на высшие должности. В ноябре 1948 года Василевский назначен начальником Генштаба, а через четыре месяца — министром обороны. Конев с июня 1946 по март 1950 был главнокомандующим сухопутными войсками, а затем стал генеральным инспектором их. Рокоссовский был главнокомандующим советскими войсками в Польше, а затем министром обороны Польши. Говоров, Баграмян, Малиновский, Мерецков, Толбухин также занимали высокие командные должности.

Война усилила роль армии и ее руководителей. В советской политической реальности это означало ослабление партийного руководства. И это нарушало привычную иерархию. Офицерский и генеральский корпус был молод. 38,7% командиров полков были не старше 35 лет; среди командиров дивизий, корпусов и

армий, соответственно, 73,2, 60,5 и 44,8 %% человек моложе 45 лет. Генеральские погоны в Красной Армии (без учета военно-морского флота, наркоматов внутренних дел и госбезопасности, политуправления Красной Армии и других ведомств) получили в годы войны 1753 человека (из 2952 генералов, насчитывавшихся в армии после войны). Вместе с тем, война вывела в офицерский и генеральский корпус значительное число беспартийных. Среди генералов Красной Армии к маю 1944 г. 286 человек не состояли в ВКП(б), 238 генералов стали членами партии в годы войны.

Но Сталин никогда не доверял военным. НКВД и его преемники — МГБ и МВД вели слежку практически за каждым крупным военачальником, даже за такими, как маршалы К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Н. Н. Воронов, С. К. Тимошенко. В их квартирах находились подслушивающие устройства, велось непрерывное наблюдение, результаты которого докладывали Сталину. Сразу после окончания войны военная контрразведка СМЕРШ, руководимая генерал-полковником В. Абакумовым, не осталась без дела: задействована на сбор компромата против высшего командного состава армии.

Особое внимание уделялось маршалу Г. К. Жукову. «Агентурное дело «Узел» — так называлась операция МГБ против Жукова. Оно было начато еще в 1939 г. Подслушивающими устройствами снабдили квартиру и дачу маршала. МГБ собирал компромат на Жукова и на сотни людей, в той или иной мере связанных с ним. Огромная популярность Жукова в армии и у населения вызывала зависть. Сталин и партийный аппарат, в том числе и в самой армии, не простили независимости и славы знаменитого маршала, принимавшего капитуляцию Германии в Берлине, парад Победы в Москве. Он был слишком самостоятельным, его поддерживали сослуживцы и подчиненные. На второй день после приема в Кремле по случаю победы над Германией он пригласил к себе на дачу в Сосновке, под Москвой, командующих армиями генерал-полковника А. В. Горбатова, генерал-полковника И. И. Федюнинского, генерал-полковника В. И. Чуйкова, генерал-полковника В. И. Кузнецова, маршала бронетанковых войск С. И. Богданова, маршала В. Д. Соколовского, генерал-лейтенантов К. Ф. Телегина и В. В. Крюкова, жену Крюкова — популярнейшую певицу Русланову, где они в своем кругу отпраздновали победу и говорили о Жукове как победителе Германии.

Дружеские отношения связывали Жукова и с его заместителем генерал-полковником И. А. Серовым, переведенным на эту должность с поста заместителя наркома внутренних дел СССР. Жуков надеялся, что Серов будет назначен на должность министра госбезопасности, а он сам станет министром обороны СССР. Но создание такого опасного для Сталина альянса было против кремлевских правил. Однако, сразу расправиться с Жуковым не представлялось возможным, по крайней мере, методами конца 30-х гг. Требовалась основательная подготовка, систематическая дискредитация маршала. Эту задачу Сталин поставил перед новым министром обороны Н. А. Булганиным; организационная работа проводилась А. А. Кузнецовым, бывшим секретарем Ленинградского горкома, назначенным 18 марта 1946 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) секретарем ЦК, начальником Управления кадров ЦК, В. С. Абакумовым, назначенным в мае 1946 г. министром госбезопасности, и М. Ф. Шкирятовым — заместителем Председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

«Дело авиаторов»

Поводом для этого «дела» послужили как конструктивные, так и производственные недоработки у всех основных типов фронтовой авиации — у знаменитых «Яков», «ИЛ-2», «ЛА-7», «ПЕ-2», «ТУ-2». Возникла возможность обвинить во вредительстве крупнейших авиаконструкторов — Яковлева, Туполева, Ильюшина, Лавочкина, директоров авиационных и моторостроительных заводов. Были арестованы главнокомандующий ВВС — главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий 12-й воздушной армией, маршал авиации С. А. Худяков. Они были подвергнуты жестоким систематическим допросам.

Маршала авиации Сергея Александровича Худякова сломали уже в феврале 1946 г., доказав, что он скрывал место рождения, русифицировал фамилию (настоящая — Арменак Артемьевич Ханферянц); потом заставили «сознаться» в шпионской связи с англичанами, службе в дашнакском отряде и чуть ли не причастности к расстрелу 26 Бакинских комиссаров. В начале апреля 1946 г. он дал показания против большой группы генералов ВВС и деятелей авиационной промышленности: командующего ВВС Новикова, главного инженера ВВС Репина и наркома авиационной промышленности Шахурина. Не забыт и маршал Жуков. Сталину представили протокол допроса, подписанный Худяковым, признававшимся в том, что они проводили *«в ВВС, по существу, преступную линию, приема от авиационной промышленности некоторых типов самолетов и моторов, имевших крупные производственные дефекты, что приводило к большому числу катастроф с человеческими жертвами... Шахурин всегда знал, что делается в ВВС и имел возможность вовремя сгладить «острые углы», а Новиков, зная обо всех безобразиях с материальной частью, не принимал никаких мер сам и не докладывал об этом Генералиссимусу... Касаясь конкретных фактов преступлений, совершенных в ВВС нами, — Новиковым, мною, Репиным и Шимановым, генерал-полковником, членом Военного Совета ВВС и одновременно заведующим военно-авиационным отделом ЦК ВКП(б), я прежде всего должен остановиться на серьезных дефектах некоторых типов самолетов, поступавших из авиационной промышленности на вооружение Военно-воздушных Сил»*. Сталин ознакомил с протоколом допроса Молотова, Берия, Маленкова, Жданова, Булганина и Микояна. Провели новые аресты, новые допросы. Следствию придали политический характер.

В показаниях бывшего командующего ВВС А. А. Новикова записано, что *«Жуков стремился приблизить к себе ряд высших военачальников, в том числе его, Новикова, и И. А. Серова. Он очень хитро и в осторожной форме в беседе со мной (Новиковым), а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и, в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне, как полководца, и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой»*. Следователь вносил в протокол допроса формулировки, характеризующие отношение Жукова к Сталину — «высокомерный

тон», «Сталин неправильно поступил», «Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства». Далее Новиков на допросе показал, что после того, как его сняли с должности главкома ВВС, он был «в кабинете у Жукова и высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС. Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить». Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС. Новиков рассказал Жукову о своей последней встрече со Сталиным, когда Сталин объявил о его увольнении с должности командующего. Свидетелем этого разговора был Маленков. Маленкову было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с Жуковым, то он ответил мне, что «теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали».

Низложение Жукова

На основании показаний Новикова и ряда других генералов, арестованных по «делу авиаторов», а также на основании данных СМЕРШа и МГБ Сталин вместе с маршалами Булганиным и Василевским подготовили приказ Министра вооруженных сил СССР от 9 июня 1946 г., с грифом «совершенно секретно»: «Маршал Жуков, потеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая себе при этом, в разговорах с подчиненными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения... К плану ликвидации Сталинградской группы немецких войск и проведению этого плана, которые приписывает себе маршал Жуков, он не имел отношения ... Было установлено, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как и к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными. Было установлено, далее, что ликвидация Корсунь-Шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым... Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он взят... Вокруг Жукова собираются провалившиеся и отстраненные от работы начальники, он противопоставляет себя правительству и Верховному Главнокомандованию».

Военный Совет 1 июня 1946 г. внес предложение освободить маршала Жукова от должностей Главнокомандующего сухопутными войсками, советскими оккупационными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил СССР. Жуков был назначен командующим Одесским военным округом. Начались аресты генералов, связанных по службе или пользовавшихся покровительством Жукова. В первых числах января 1947 г. арестованы: В. Н. Гордов, Герой Советского Союза, генерал-полковник, бывший командующий войсками Приволжского военного

округа, его заместитель Г. И. Кулик, маршал, разжалованный в 1942 г. за сдачу Керчи до звания генерал-майора, и Ф. Т. Рыбальченко, генерал-майор, начальник штаба того же округа. Основой обвинения стали разговоры, подслушанные на квартирах Гордова и Кулика, оборудованных техническими средствами МГБ.

Главными обвиняемыми стали генералы Кулик и Гордов. Особое внимание к Кулику объяснялось тем, что он имел несчастье попасть под подозрение Сталина и карательных органов еще до Великой Отечественной войны. Сталин дал приказ тайно похитить жену маршала Кулика, которую он подозревал в шпионаже. По словам заместителя Берия, Меркулова, жену маршала — Кулик-Симонович схватили на улице в мае 1940 г., доставили в Сухановскую тюрьму, допрашивали полтора месяца, *«но Кулик никаких показаний о шпионаже не дала ... Через некоторое время Берия сказал мне, что Кулик нужно расстрелять, так как она должна исчезнуть бесследно, а после этого объявить в розыск. При этом Берия сослался на указание, полученное им от И. В. Сталина. Никаких судебных решений по ее делу не было».*

Мужу, заявившему об исчезновении жены, заявили, что будет объявлен всесоюзный розыск — он и продолжался с 8 мая 1940 г. до января 1952 г. — даже спустя полтора года после расстрела самого Г. И. Кулика. Второй раз смертельная угроза над начальником артиллерийского управления Красной Армии маршалом Куликом нависла в первые месяцы войны, и исходила не от противника, а от НКГБ. Генерал-лейтенант М. М. Каюков, первый заместитель начальника артиллерийского управления, арестованный в начале войны, под пытками оговорил начальника, заявив, что в антисоветскую организацию его привлек маршал Кулик. Вскоре он отказался от показаний, заявив, что «заговорщиком никогда не был, и в антисоветскую организацию меня никто не вовлекал». Крюкова расстреляли, но Кулика на этот раз оставили. Он был сурово наказан за неудачи на фронте в 1942 г., разжалован до генерал-майора, лишен наград.

Маршал Г. К. Жуков пытался в 1944 г. заступиться за опального бывшего маршала. Жуков рассказывал в своем окружении, что осенью 1944 г. он обращался с ходатайством к Сталину о награждении Кулика орденом Суворова. Когда Сталин отказал в этом, то Жуков просил его разрешить вернуть Кулику ордена и медали, которых его лишили при разжаловании. Однако Сталин отказал Жукову и в этом. *«И в этом случае Жуков высказал мне (показания бывшего главкома ВВС А. А. Новикова) свою обиду на это, что его, мол, не поддержали, и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением».*

Сохранились записи разговоров, которые генералы вели у себя дома, встречаясь с теми, кому они доверяли. Сохранились «допросные речи», вымученные палачами и отредактированные «на кухне Бровермана», — как на языке чекистов именовался секретариат Абакумова, где окончательно редактировались протоколы допросов перед отправкой «в инстанцию». Эти записи стали основанием для ареста, суда и смертельного приговора.

В декабре 1946 г., в квартире В. Гордова, в беседе с женой и со своим заместителем генерал-майором Ф. Рыбальченко генерал-полковник Гордов назвал причину, заставившую его другими глазами посмотреть на жизнь. Генералы говорили о положении в деревне, о голоде, о том, что люди с голода вынуждены есть кошек, собак, крыс. Ф. Рыбальченко рассказывал собеседнику, что *«в колхозах*

подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посадочный материал... Надо прямо сказать, что колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца... Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся».

Пошаговая стратегия низложения маршала Жукова продолжалась. На Пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1947 г. маршал Жуков выведен из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б). После очередной проверки чиновниками из ЦК Одесского военного округа, которым командовал ссыльный маршал, ЦК ВКП(б) постановлением от 20 января 1948 г. «вынес т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания. Одновременно ЦК ВКП(б) освободил т. Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа для назначения одним из меньших военных округов». Такие решения нередко предшествовали аресту. Но Сталин все не решался на это, поскольку авторитет Жукова как первого помощника Верховного главнокомандующего во время войны работал, в конце концов, на авторитет самого Сталина. Продолжали арестовывать близких Жукову людей. Самое удивительное, что в этих условиях среди генералитета находились люди, пытавшиеся защищать Жукова. Одним из них был генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, служивший в 1945 — начале 1946 г. членом Военного совета советских оккупационных войск в Германии и пытавшийся в мае-июне 1947 г. заступиться за Жукова. Результатом этого стал перевод Телегина из членов ВКП(б) — в кандидаты, а затем и арест.

В тактике следователей стали происходить изменения. «Коронный аргумент» сотрудников МГБ для большинства дел против генералитета — доказательство того, что подследственный «делал вражеские выпады против главы советского государства» — для Жукова оказывался малоприменимым, если не даже опасным для руководителя партии и правительства, так как следовало бы признать, что Жуков выступал против Сталина. Поэтому была попытка обвинить Жукова попросту в уголовном преступлении — в грабеже и мародерстве на территории Германии. Для получения необходимых показаний против него в начале 1948 г. арестовали генерал-майора А. М. Сиднева, бывшего начальника оперативного сектора МВД в Берлине и ряд офицеров аппарата МВД в Германии. Реальная угроза ареста нависла над заместителем министра МВД И. А. Серовым. В ход следствия был посвящен очень узкий круг людей — сам Сталин, министр госбезопасности Абакумов, секретарь ЦК ВКП(б) Кузнецов. В доме Жукова проводились негласные обыски. Были арестованы и подвергнуты пыткам генерал-лейтенант В. В. Крюков и генерал-лейтенант В. К. Телегин.

В. В. Крюков представлял собой выгодную фигуру для следствия. Отвоевав почти всю войну командиром гвардейского кавалерийского корпуса, кавалерист, как и Жуков, он был связан с ним личной дружбой, некоторое время был его порученцем. С Жуковым и его женой дружила его жена — знаменитая певица Лидия Русланова. Л. Русланова была награждена орденом Отечественной войны I степени за участие во фронтовых концертах. Сначала Центральный Комитет ВКП(б) на специальном заседании в июне 1947 г. лишил Русланову ордена. Позже Русланову арестовали. Ее коллекции картин и фарфора, а также личные вещи конфисковали. Ее мужу предъявили обвинения в злоупотреблениях при приобретении ценностей во время службы в Германии. Крюкова, как и других

арестованных, оказавшихся в Лефортовской тюрьме, подвергли многочасовым дневным и ночным допросам. Когда он отказался дать показания о существовании заговора во главе с маршалом Жуковым, его сначала лишили права пользоваться тюремным ларьком, угрожали ему пытками, а затем начали систематически избивать. Следователи — полковник Лихачев и капитан Самарин, а также их сотрудники по очереди избивали его резиновыми палками, это продолжалось четверо суток — днем и ночью. Ему говорили: «Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен дать показания, и этим самым ты облегчишь свою участь. Ведь ты только пешка в этой игре». Наконец, к сентябрю 1948 г., были выбиты нужные для следователей показания генерал-лейтенанта Телегина о критическом отношении Жукова к Сталину, о высоких оценках материальной части и снабжения американской армии, о широкой поддержке Жукова в армии.

Пришла очередь давать объяснения самому Жукову. Сохранилась его объяснительная записка, адресованная А. А. Жданову в январе 1948 г. Суть документа в том, что маршал не имел собственного имущества, так как его дача и квартира, как и все имущество, которое на них находилось, являлось собственностью МГБ. Таким образом, рухнули обвинения в присвоении имущества. Услав Жукова командовать Уральским военным округом, пересажав и напугав значительную часть офицерства, Сталину удалось подорвать позиции Жукова в армии и в народе. В конце 1948 г. интерес к делу Жукова внезапно ослабевает. Из допросов исчезло стремление связать любое недовольство в армии с именем маршала Жукова. Жукова не арестовали. Но «дело» его, суэта вокруг славы победителя, развеивает туман у иконы скромного и мудрого генералиссимуса — организатора всех побед.